

УДК 316.354:351/354

МОДЕЛИРОВАНИЕ КООРДИНАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Т.П. Ларионова

Аннотация

Проведено исследование социального института современной российской благотворительности на теоретико-методологической базе, представленной работами зарубежных и отечественных социологов. В статье показано, что результативность создания инновационных технологий благотворительной деятельности в новых социально-экономических условиях напрямую связана с качеством исходных моделей, их адекватностью теории социального моделирования и практике благотворительности.

Ключевые слова: благотворительность, социальное прогнозирование, модель, моделирование координации благотворительной деятельности.

Изучение методологических основ института современной российской благотворительности, его нормативно-правовой базы, историографии приводит к убеждению в необходимости создания модели, адекватной современному состоянию благотворительности в России, с целью научно обоснованной координации и совершенствования сложившейся социальной практики.

Исследование роли благотворительности в социально-экономической жизни современной России позволяет отметить ее растущее участие в распределительных отношениях, влиянии на качество жизни населения. Потребность определения перспективных направлений развития института благотворительности, координации ее с целью поддержания приемлемого качества жизни малообеспеченного населения в условиях экономического кризиса обусловили обращение к моделированию как методу социального прогнозирования.

Теоретико-методологические подходы и концепции, связанные с моделированием, конструированием социальной реальности и управлением ее развитием, в зарубежной социологической науке разработаны Т. Парсонсом [1], Г. Зиммелем [2], Р. Мертоном [3], Э. Дюркгеймом [4], Р. Дарендорфом [5], Ф. Броделем [6], М. Вебером [7], П. Штомпкой [8].

В современной зарубежной социологии социальному конструированию реальности посвящены работы представителей феноменологической социологии знания П. Бергера и Т. Лукмана [9], которые считают конструирование своеобразным отражением окружающего мира, необходимым индивиду в том случае, когда он нуждается в адекватной оценке объективного мира с целью наиболее глубокого познания окружающей реальности и определения мер для эффективного

воздействия на нее. Под выражением «социальное конструирование реальности», как отмечает Дж. Масионис, понимается процесс, посредством которого люди творчески формируют реальность в результате социального взаимодействия [10]. С позиций рассматриваемой нами темы актуален вопрос о существовании набора правил, следование которым гарантирует построение хорошей модели. Известный американский специалист в области имитационного моделирования систем Р. Шеннон утверждает, что любой набор правил для разработки моделей в лучшем случае имеет ограниченную полезность и может служить лишь предположительно в качестве каркаса будущей модели или отправного пункта в ее построении. Не существует, по его словам, магических формул для выбора переменных, параметров, отношений, описывающих поведение системы, ограничений, а также критериев эффективности модели. К модели, по мнению Р. Шеннона, целесообразно относиться как к инструменту, предназначенному для упорядочения и структурирования опытных данных. Модели строятся для решения конкретных задач. Модель должна быть адекватной, работоспособной, то есть давать удовлетворительные ответы на поставленные вопросы [11, с. 33–37].

В отечественных социологических исследованиях социальное конструирование (моделирование) рассматривается в качестве метода социального прогнозирования [12–14]. Целесообразность использования моделирования в социальной практике обусловлена возможностью перенести экспериментирование с реального объекта на его мысленно сконструированный аналог и таким образом избрать оптимальный вариант развития, своевременно прогнозировать возможные трудности и препятствия. Иначе говоря, цель моделирования, с одной стороны, отображение состояния социальной проблемы на данный момент, выявление наиболее проблемных участков, с другой – определение тенденций развития и факторов, способных оказать положительное влияние.

На наш взгляд, достоинство использования метода моделирования в процессе реализации некоего социального проекта состоит еще и в том, что модели могут последовательно сменять друг друга, отражая каждый из последующих этапов реализации проекта. Авторы, работающие в области социального прогнозирования, подчеркивают, что моделирование является многофункциональным исследованием, применяющимся для определения или уточнения характеристик существующих или вновь конструируемых объектов. При моделировании социальных отношений и структур может быть создано множество вариантов моделей, учитывающих влияние тех или иных социальных факторов (в их различных сочетаниях) на изучаемые процессы в социальной сфере. Отмечается, что особая сложность моделирования социальных процессов в России заключается в том, что значительная их часть не укладывается в рамки ранее разработанных схем и требует теоретического осмысления в соответствии с существующей социальной действительностью [15, с. 249–250].

Значительную научную ценность для теоретико-методологического обоснования моделирования применительно к социальной сфере имеют работы И.В. Бестужева-Лады, в частности его предложение при создании модели делить проблемы на текущие и перспективные. При формировании исходной модели автор рекомендует начинать с формализации объекта исследования, которым является объект разработки прогноза, использовать с этой целью наиболее простые

типы моделей, а если и это затруднительно, то использовать простейший тип исходной модели – упорядоченный набор показателей.

Возможности описания модели раскрыл специалист по моделированию Ю.М. Плотинский [16, 17]. Модель, по его мнению, это концептуальный инструмент, ориентированный в первую очередь на управление моделируемым процессом или явлением. При этом функция предсказания, прогнозирования служит целям управления. Наблюдая за объектом, индивид формирует в уме некий мысленный образ объекта, который Ю.М. Плотинский предлагает называть «когнитивной» моделью. Технология создания модели состоит в том, что, формируя когнитивную модель объекта, индивид, как правило, стремится ответить на определенные, конкретные вопросы, поэтому от бесконечно сложной реальности отсекается все ненужное с целью получения более компактного и лаконичного описания объекта. Автор подчеркивает, что когнитивная модель объекта формируется на основе «картины мира» индивида – особенностей его восприятия, установок, ценностей, интересов. Следующим видом в предложенной автором классификации является построение «содержательной» модели, которая не всегда совпадает с когнитивной. Третьим видом – «концептуальной» моделью – называется содержательная модель, при формулировке которой используются теоретические концепты и конструкты данной предметной области знаний. В более широком смысле под концептуальной моделью понимают содержательную модель, базирующуюся на определенной концепции или точке зрения. Модели, по Ю.М. Плотинскому, выполняют ряд гносеологических функций: иллюстративную, объяснительную, эвристическую, критериальную, прогностическую. Моделирование в отечественной социологии признано методом, сочетающим качественные и количественные параметры.

Следуя классификации, предложенной Плотинским, мы ставим задачу формирования *концептуальной модели координации современной благотворительной деятельности в России*. В отечественной научной литературе, посвященной вопросам социального моделирования, приведена последовательность этапов математического моделирования социальных процессов, моделирования в социальной работе (постановка задачи, теоретическая и экспериментальная подготовка, создание модели, исследование модели, перенос полученной информации на изучаемый объект, выдвижение научной гипотезы на основе полученных знаний и ее проверка, включение полученных знаний в научную теорию), создания общей модели социальной индивидуальной «работы со случаем» (установление контакта, определение и понимание проблемы, осуществление интервенций, контроль и оценка вмешательства) [18, 19].

При построении модели координации благотворительной деятельности первым этапом, по нашему мнению, должно быть *определение генеральной цели* создаваемой модели, вторым – *расчленение генеральной цели на отдельные блоки и выделение подцелей*, третьим этапом – *определение «слабых звеньев»* в анализируемой модели, четвертым – *формулирование направлений развития благотворительности* на ближнюю и среднесрочную перспективы с целью успешной ее координации.

Реализуя **первый этап построения модели**, определяем, что *генеральными целями* современной российской благотворительности следует считать цели,

обозначенные в ст. 2 Федерального закона «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях», среди которых в первую очередь должны быть названы:

- социальная защита и поддержка граждан, включая улучшение материального положения малообеспеченных;
- социальная реабилитация безработных, инвалидов и иных лиц, которые в силу своих физических или интеллектуальных особенностей не способны самостоятельно реализовать свои права и законные интересы;
- содействие укреплению мира, дружбы и согласия между народами, предотвращение социальных, национальных, религиозных конфликтов;
- содействие укреплению престижа и роли семьи в обществе;
- содействие защите материнства, детства и отцовства;
- поддержка деятельности в сфере образования, науки, культуры, искусства, просвещения, содействие духовному развитию личности;
- содействие деятельности в сфере профилактики и охраны здоровья граждан, а также пропаганды здорового образа жизни, улучшение морально-психологического состояния граждан;
- содействие деятельности в сфере физической культуры и массового спорта и другие [20].

Переходя ко **второму этапу формирования модели** – определению подцелей, устанавливаем, что *подцелями* при создании модели координации благотворительной деятельности по любому из названных законом целевых направлений могут служить: первая – анализ имеющейся концептуальной и нормативно-правовой базы; вторая – анализ сложившейся практики благотворительности в интересующем исследователя направлении; третья – характеристика организационно-управленческих мер, направленных на формирование системы благотворительной деятельности в избранном ракурсе. Достижение подцелей позволит перейти к следующему, третьему этапу – *определению «слабых звеньев»*, и, наконец, четвертый этап – выявление *актуальных направлений устойчивого развития благотворительности*. Предложенная нами схема создания модели имеет очевидную «вертикальность»: генеральная цель определяет содержание подцелей, а они, в свою очередь, обеспечивают адекватность видения «узких» мест современной благотворительности, способствуя определению комплекса ресурсов экономической и моральной поддержки.

Между тем, на наш взгляд, модель благотворительной деятельности нельзя описать лишь нормативно-правовыми или организационными категориями, хотя их значение нельзя недооценивать. В поле зрения исследователя всегда должны быть: а) духовно-нравственная составляющая благотворительности, во многом определяющая мотивацию; б) материальный и нематериальный компоненты, составляющие само содержание благотворительности; в) вопросы эффективности предпринятых или предполагаемых благотворительных действий. Заметим, что в историографии возрождение благотворительности рассматривается в качестве ответной реакции общества на сложившуюся социально-экономическую ситуацию [21, с. 72–74]. Экономический кризис, в который вступило мировое сообщество, ведет к увеличению числа лиц, лишенных средств

Табл. 1

Классификация структуры личных доходов населения

Структура доходов	Класс доходов
1) Заработная плата и жалование в денежной и натуральной формах 2) Денежное и натуральное довольствие служащих вооруженных сил 3) Отчисления предпринимателей: а) на социальное страхование и т. п. б) на другие цели	Доходы от занятости
4) Доходы лиц свободных профессий 5) Доходы фермеров 6) Доходы других индивидуальных предпринимателей и торговцев	Доходы от самозанятости
7) Рента, нетто-процент, дивиденды	Доходы от собственности
8) Текущие трансферты, благотворительность компаний 9) Государственные пособия и другие выплаты	Трансфертные доходы

к существованию, а потому остро нуждающихся в материальной и нематериальной благотворительной поддержке. Одновременно и отечественный бизнес вступает в период, сопряженный с вынужденным сокращением расходов на благотворительность. В экономической теории благотворительность рассматривается в комплексе вопросов, имеющих отношение к социальной политике государства, видам и источникам формирования доходов населения. В частности, одной из общепринятых считается следующая классификация структуры личных доходов (см. табл. 1) [11, с. 584]. Отметим, что текущие социальные трансферты, благотворительность, государственные пособия и другие выплаты составляют одну группу – трансфертные доходы.

Показателями экономического *благосостояния* принято считать совокупные доходы общества в целом и каждого из его членов в отдельности. *Количественная* характеристика благосостояния – *уровень жизни*, определяемый по рекомендации ООН *системой показателей уровня жизни*, состоящей из 12 основных групп: 1) рождаемость, смертность и другие демографические характеристики; 2) санитарно-гигиенические условия жизни; 3) потребление продовольственных товаров; 4) жилищные условия; 5) образование и культура; 6) условия труда и занятость; 7) доходы и расходы населения; 8) стоимость жизни и потребительские цены; 9) транспортные средства; 10) организация отдыха; 11) социальное обеспечение; 12) свобода человека. Однако эта система показателей не дает исчерпывающего представления о жизни индивида.

Сугубо экономический подход, определяющий категорию *уровень жизни* и ставящий цель наиболее адекватной оценки *благосостояния* населения, вызвал появление категории *качества жизни*. Это понятие обозначает *степень* удовлетворения материальных и духовных потребностей, не поддающихся прямому количественному измерению (например, оценка уровня комфорта в труде и быту, качества питания, одежды, жилья, удовлетворения потребностей в творчестве, знаниях, организованном досуге и другое). Как известно, *концепция социального*

Табл. 2

Экономическая стратификация российского населения

Основные страты	Доля в общем населении, %	Уровень текущих денежных доходов в расчете на душу населения в месяц, доллары
Богатые	3–5	Свыше 3000
Состоятельные	15	3000–1000
«Средние»	20	1000–100
Малообеспеченные	20	100–50
Бедные,	40	Менее 50
в том числе «социальное дно»	10–12	Отсутствуют стабильные доходы

государства предполагает ответственность государства за обеспечение достойных условий жизни для его граждан. Система управления его экономикой должна создавать условия, обеспечивающие, в соответствии с Конституцией Российской Федерации, достойную жизнь и разностороннее развитие человека, а также стимулировать его ответственность за свое материальное положение на основе гарантированной свободы и отношений собственности.

В жизнедеятельности современных государств имеют место как минимум две наиболее распространенные практики государственного регулирования распределения доходов и влияния на качество жизни населения: *перераспределение* личных доходов населения *через налоговую систему* государства от высокодоходных групп населения – малообеспеченным, а также *социальные выплаты*. С целью определения соотношения возможных «доноров» и «реципиентов» в российском обществе отечественными учеными предложена схема экономической стратификации российского населения (табл. 2) [23, с. 599].

Из таблицы следует, что около 60% российского населения в условиях относительно стабильного социально-экономического положения последних лет экономистами отнесено к группам малообеспеченных (их денежные доходы ниже минимального потребительского бюджета, но выше прожиточного минимума) и бедных, а еще 20% (с доходом от 100 до 1000 дол.) – к весьма неустойчивому российскому «среднему классу». Следовательно, в критической ситуации нуждаться в трансфертных доходах в России могут около 80% населения.

Благотворительная деятельность как социальный институт имеет вполне определенную нишу, в рамках которой осуществляется креативная социально-экономическая поддержка тех, кто оказался в трудной жизненной ситуации, а принятая практика государственного регулирования доходов не позволяет создать «трамплин» для самостоятельного преодоления трудностей.

Исходя из имеющихся методологических и теоретических положений моделирования социальных процессов, характеристики подходов к оценке социально-экономического положения населения, создадим контуры модели координации современной российской благотворительности. В общих чертах, по нашему мнению, она может выглядеть следующим образом (рис. 1).

Рассматривая *первый блок* модели (духовно-нравственную составляющую) современной российской благотворительности, подлежащий координации и названный нами условно «мотивация», следует выделить специальное исследование нравственно-этической составляющей благотворительности, осуществленное

Рис. 1. Структура модели современной благотворительной деятельности в России, являющейся предметом координации

доктором философских наук, заведующим кафедрой этики Института философии РАН Р.Г. Апресяном [24; 25, с. 411–424]. В частности, автор подчеркивает направленность благотворительности во все времена на ослабление социальных противоречий, «амортизацию» напряжений и конфликтов. Раскрывая соотношение дефиниций «милосердие» и «благотворительность», Р.Г. Апресян настаивает на том, что благотворительность является одной из *форм* милосердия, существующих в практике общественных отношений. Критерием *эффективности с позиций нравственности* признается степень поддержки индивидуального трудолюбия и способности человека к самообеспечению средствами благотворительности. Нравственная сторона современной российской благотворительности, по мнению отечественных специалистов, с теоретических позиций выражается в реализации двух ее функций: а) сохранения, воспроизводства общества и б) поддержки социально перспективных начинаний. В эмпирическом плане нравственный аспект благотворительной деятельности целесообразно рассматривать на многочисленных примерах поведения российского социально ответственного бизнеса, современной благотворительной деятельности религиозных учреждений, практики гражданских инициатив. Следовательно, в вопросах координации необходимо учитывать приведенные научные суждения.

Экономическая составляющая, второй блок российской модели благотворительности (назовем ее «действие»), в теоретическом отношении в вопросах координации основана на экономико-социологических исследованиях, направленных на изучение механизма распределительных отношений. В социальной практике она представлена информацией, поступающей в налоговые органы о деятельности организаций, зарегистрированных в качестве благотворительных. Необходимо констатировать, что единой комплексной информационной базы об объеме средств, направляемых в масштабе России на благотворительные цели, не существует, и даже не ставится задача создания подобной базы данных

в обозримой перспективе. В этой связи заметим, что деятельностный блок требует наибольших усилий координации, поскольку именно от его успешности зависит амплитуда общественного резонанса.

Составной частью модели является социальный аспект, третий блок (названный нами «следствие»), который, по сути, отражает успешность и эффективность координационных усилий в благотворительной деятельности. Доминантой в этом блоке можно назвать благотворительность, направленную на поддержку семьи. Палитра направлений велика: от участия в профилактике депопуляции, оказания помощи определенным социально-демографическим группам (многодетные семьи, инвалиды, лица пожилого возраста) до профилактики социальных конфликтов. Мы поддерживаем предложенную А.Ю. Бендриковой точку зрения о том, что благотворительность как особый вид социальной деятельности одним из ведущих ее предназначений имеет сглаживание общественных конфликтов [26, с. 13].

Рассмотрим этапы создания модели координации современной благотворительной деятельности, направленной на *повышение качества жизни населения (генеральная цель)*. *Первая из подцелей* – анализ имеющейся концептуальной и нормативно-правовой базы. В этой связи необходимо подчеркнуть наличие *трехуровневой нормативно-правовой базы* (федеральный, региональный, муниципальный уровни). Имеющееся федеральное нормативно-правовое обеспечение вызывает много нареканий со стороны участников благотворительной деятельности, но факт его существования нельзя не признать. Региональный уровень составляют нормативно-правовые акты, направленные на поддержку благотворительности в отдельных регионах, расширяющие ее нормативное обеспечение. Муниципальный уровень представлен нормативными документами муниципалитетов, отражающими отношение к благотворительности в отдельных муниципальных образованиях.

Вторая подцель – анализ сложившейся благотворительной практики – обладает значительной практической и информационной базой для ее всестороннего изучения и может быть предметом самостоятельного исследования, выходящего за пределы настоящей статьи.

Третья подцель в формируемой нами модели – это характеристика *организационно-управленческих мер* федерального уровня, направленных на повышение качества жизни граждан средствами благотворительности. Наиболее заметным явлением этого направления стал Год благотворительности, проведенный в России в 2006 г. по инициативе ряда общественных организаций и при поддержке президента России. В Общественной палате Российской Федерации была создана комиссия по развитию благотворительности и совершенствованию законодательства о некоммерческих организациях. По инициативе и силами общественности проведены всероссийские научно-практические конференции, задействованы интернет-ресурсы, появились печатные средства массовой информации, посвященные благотворительности, учрежденные, как правило, некоммерческими организациями. Достижение *третьей подцели* позволяет перейти к **третьему этапу построения модели** – установить «слабые звенья», состоящие в том, что до настоящего времени: 1) нет единого государственного (или межсекторного) координирующего органа, целевым образом занимающегося

вопросами благотворительности; 2) отсутствует федеральная концепция развития благотворительной деятельности на ближайшую и отдаленную перспективы, поддержанная органами государственной власти; 3) не существует форм государственной статистической отчетности для хозяйствующих субъектов различных форм собственности и отраслей деятельности о конкретном целевом назначении и объеме средств, направленных на благотворительность; 4) незначительна практика обучения благотворителей и благополучателей навыкам взаимодействия.

Четвертый этап построения модели – выявление актуальных направлений развития теории и практики российской благотворительности, определение необходимых мер государственной поддержки благотворителей на федеральном уровне – тесно связан с вопросом о признании благотворительности государственно значимой деятельностью. Как мы отмечали ранее, современным российским законодательством меры государственной экономической поддержки благотворителей практически сведены к нулю, меры неэкономического стимулирования практикуются, как правило, некоммерческим сектором.

В этой части за основу можно взять положения проекта Концепции содействия развитию благотворительной деятельности и добровольчества в Российской Федерации, обсуждавшиеся на Всероссийском форуме «Благотворительность в России: проблемы и перспективы развития» (2008 г., ноябрь), организованном соответствующей комиссией Общественной палаты РФ, Министерством экономического развития и торговли РФ, Форумом Доноров, филиалом Международного центра некоммерческого права в РФ, Агентством социальной информации, Информационным центром «Благотворительность в России». Основными проектируемыми результатами реализации Концепции были названы: рост поддержки в обществе и расширение участия граждан в благотворительной деятельности и добровольчестве, повышение доверия граждан к благотворительным организациям; расширение объемов благотворительных пожертвований граждан и организаций при опережающем росте пожертвований физических лиц; увеличение числа граждан – участников благотворительной и добровольческой деятельности; увеличение объема финансовых активов, аккумулируемых в рамках целевого капитала некоммерческих организаций и в фондах местных сообществ; развитие инфраструктуры для оказания информационной и консультационной поддержки благотворительной и добровольческой деятельности; повышение эффективности благотворительных и добровольческих программ; повышение качества жизни граждан Российской Федерации.

Таким образом, основываясь на теоретико-методологических положениях о модели как необходимом инструменте управления совершенствованием социальной практики, можно утверждать, что при анализе российской практики благотворительной деятельности, во-первых, численность моделей может соответствовать числу целей благотворительности, обозначенных в Федеральном законе «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях». Во-вторых, процесс создания модели должен иметь не менее четырех этапов, для прохождения которых необходимо определить генеральную цель модели, подцели, «слабые звенья» исследуемой модели, а также меры, направленные на совершенствование благотворительной практики в изучаемом направлении.

В-третьих, структура модели должна иметь не менее трех граней, трех областей характеристики: мотивационную, деятельностьную, результативную. В-четвертых, технология определения «слабого звена» должна базироваться на широком спектре исходной информации: данных государственной статистики и эмпирических социологических исследований, анализе региональной нормативно-правовой базы и публикаций в средствах массовой информации. В-пятых, рекомендации, данные на основании анализа модели и направленные на устойчивое развитие благотворительности в исследуемом направлении, в хронологическом отношении должны быть не более чем ближне- и среднесрочными.

Summary

T.P. Larionova. Modeling the Modern Charity Coordination in Russia: Sociological Aspect.

Investigation of the social institute of modern Russian charity is carried out on the theory-methodology basis represented by works of foreign and Russian sociologists. The article reveals effectiveness of creating innovative technologies for charitable activities in the new social and economic environment to be directly connected with the quality of initial models, as well as with their applicability to the theory of social modeling and to charity practice.

Key words: charity, social forecasting, model, modeling charitable activities.

Литература

1. *Парсонс Т.* О структуре социального действия. – М.: Акад. проект, 2002. – 879 с.
2. *Зиммель Г.* Избранное: в 2 т. – М.: Юристъ, 1996. – Т. 1. – 670 с.; Т. 2. – 607 с.
3. *Мертон Р.К.* Социальная теория и социальная структура // Социол. исслед. – 1992. – № 2. – С. 118–124; № 3. – С. 104–114; № 4. – С. 91–96.
4. *Дюркгейм Э.* Социология. Ее предмет, метод, предназначение. – М.: Канон, 1995. – 349 с.
5. *Дарендорф Р.* Современный социальный конфликт: очерк политики свободы. – М.: РОССПЭН, 2002. – 288 с.
6. *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV – XVIII вв.: в 3 т. – М.: Прогресс, 1986. – Т. 1. – 622 с.
7. *Вебер М.* Избранные произведения. – М.: Юрист, 1994. – 702 с.
8. *Штомпка П.* Социология социальных изменений. – М.: Аспект-Пресс, 1996. – 415 с.
9. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
10. *Масионис Дж.* Социология. – СПб.: Питер, 2004. – 576 с.
11. *Шеннон Р.* Имитационное моделирование систем – искусство и наука. – М.: Мир, 1978. – 424 с.
12. *Бестужев-Лада И.В.* Прогнозное обоснование социальных нововведений. – М.: Наука, 1993. – 233 с.
13. *Воржецов А.Г.* Основы социального прогнозирования. – Казань: Казан. гос. технол. ун-т, 2004. – 116 с.
14. *Луков В.А.* Социальное проектирование. – М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та: Флинта, 2009. – 240 с.

15. Социальное прогнозирование и моделирование / Под ред. В.М. Сафроновой. – М.: МГСУ, 1999.
16. *Плотинский Ю.М.* Теоретические и эмпирические модели социальных процессов. – М.: Логос, 1998. – 279 с.
17. *Плотинский Ю.М.* Модели социальных процессов. – М.: Логос, 2001. – 296 с.
18. Социальная работа: Учебное пособие / Под ред. Н.Ф. Басова. – М.: Изд.-торг. корпорация «Дашков и К», 2009. – 364 с.
19. *Украинец П.П., Латина С.В., Бурова С.Н. и др.* Социальная работа: теория и организация / Под ред. П.П. Украинец. – Минск: ТетраСистемс, 2005. – 288 с.
20. О благотворительной деятельности и благотворительных организациях. Федеральный закон от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ (в ред. Федеральных законов от 21 марта 2002 г. № 31-ФЗ, от 25 июля 2002 г. № 112-ФЗ, от 4 июля 2003 г. № 94-ФЗ, от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ, от 30 декабря 2006 г. № 276-ФЗ). – URL: <http://www.garant.ru>, свободный.
21. *Стрекаловская М.Ф.* Благотворительная деятельность в современных условиях России // *Власть*. – 2007. – № 3. – С. 72–74.
22. Экономическая теория: Учебник / Под общ. ред. акад. В.И. Видяпина, А.И. Добрынина, Г.П. Журавлевой, Л.С. Тарасевича. – М.: Инфра-М, 2007. – 714 с.
23. Экономика труда (социально-трудовые отношения): Учебник / Под ред. Н.А. Волгина, Ю.Г. Одегова. – М.: Экзамен, 2006. – 736 с.
24. *Апресян Р.Г.* Дилеммы благотворительности // *Общественные науки и современность*. – 1997. – № 6. – С. 76–80.
25. *Гусейнов А.А., Апресян Р.Г.* Благотворительность // *Гусейнов А.А., Апресян Р.Г.* Этика. – М.: Гардарики, 2006. – С. 411–424.
26. *Бендрикова А.Ю.* Благотворительная деятельность в Забайкалье: специфика, тенденции развития: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Барнаул, 2004. – 18 с.

Поступила в редакцию
02.06.09

Ларионова Татьяна Петровна – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры экономической теории и социальной работы Казанского государственного медицинского университета, Государственный советник при Президенте Республики Татарстан по социальным вопросам.

E-mail: sovetsniki@kremlin.kazan.ru